Изабель Давион

ПРИЗНАНИЕ СССР ФРАНЦИЕЙ В 1924 г.: КАТАЛИЗАТОР СИСТЕМЫ ФРАНЦУЗСКИХ СОЮЗОВ?

Анализируется ретроспектива польско-чехословацких отношений в 1924—1935 гг. в контексте французской политики союзов в Центральной Европе, вызовом для которой стало установление дипломатических отношений между Парижем и Москвой в 1924 г. Автор рассматривает отношение Польши и Чехословакии к этому событию, подчеркивая, что, несмотря на наличие территориального конфликта в Тешинской Силезии и противоположные подходы к отношениям с Россией, французские попытки реинтегрировать Москву в европейские дела подтолкнули Прагу и Варшаву к переговорам и консолидации. Однако неразрешенные противоречия между двумя странами обострились в 1930-е гг.

The article analyzes the retrospective of the Polish-Czechoslovak relations in the 1924—1935 in the context of the French policy of alliances in the Central Europe. A new challenge for the two countries has emerged in result of the establishment of diplomatic relations between Paris and Moscow in 1924. The author examines the attitude of Poland and Czechoslovakia towards this event, singles out that despite the existence of a territorial conflict in Cieszyn Silesia and on the whole opposite approaches to relations with Soviet Russia, French attempts to reintegrate Moscow into the European affairs pushed Prague and Warsaw forward to negotiations and peace consolidation. However, the unresolved conflict between the two countries worsened again in the 1930s.

Ключевые слова: польско-чехословацкие отношения; Женевская конференция; Тешинская Силезия.

Keywords: Polish-Czechoslovak relations; Geneva Conference; Cieszyn Silesia.

В данной статье речь пойдет об оценке вопроса о дипломатическом признании СССР Францией в 1924 г. и вызванных этим осложнениях во французской системе альянсов в Центральной Европе, иными словами, о дипломатических практиках и вызовах, поставленных этим событием перед субъектами европейской дипломатической сцены.

Когда 17 июня 1924 г. глава французского правительства и МИД Эдуард Эррио объявил, что хочет возобновить отношения с Россией, он послал циркулярное письмо всем союзным Франции государствам, уточняя, что намерен признать советское правительство, оставаясь верным своим обязательствам в Центральной и Восточной Европе: «Завершение этого проекта не может каким-либо образом повлиять на отношения, которые связывают Францию и соседние государства России и которые основаны на существующих договорах. Нынешнее правительство считает, что, напротив, работая над восстановлением нормальных отношений с Россией, речь идет обо всей Восточной Европе, которая только в этом смысле сможет получить безопасность» [1]. Вторым посылом для возвращения Москвы на международную арену была надежда на эволюцию режима к либеральной демократии. Вернувшись из поездки по России в 1922 г., Эррио утверждал, что Франция не может оставить в изоляции русский народ [2, р. 195]. С другой стороны, историк и идеолог советской дипломатии, автор «Истории дипломатии» В. П. Потемкин заявлял, что все политики, которые останавливались в Москве, выступали за признание СССР. При этом он подозревал Эррио в том, что тот продолжает надеяться оторвать территории у СССР, в том числе Грузию [3, р. 312—314].

Давион Изабель — Университет Париж IV — Сорбонна, Объединенный научно-исследовательский центр по исследованию международных отношений и цивилизации Европы (UMR IRICE).
Isabelle.Davion@paris-sorbonne.fr

Прежде всего рассмотрим причины медлительности реакции на изменения на международной арене этой системы союзов. С 1919 г. большая часть «европейского» управления Кэ д'Орсе была обращена к Польше и Чехословакии, чтобы подтолкнуть эти две страны к политике добрососедства. Прага и Варшава были втянуты в спор о Тешинской Силезии, который подпитывался и многими другими скрытыми разногласиями: начиная с мирной конференции в Париже, конфликт вспыхивает по поводу одного из участков общей чехословацко-польской границы от Верхней Силезии — граница с Восточной Галицией — Западной Украиной. Конфликт растянулся на годы, поддерживая очаги напряжения, мешающие французским планам [4]. Тешинскую Силезию разделяла вооруженная борьба между чехами и поляками. Принадлежавший Польше, затем оказавшийся под управлением Праги регион представлял один из значительных угольных бассейнов Европы, а также важный железнодорожный узел в центре континента площадью 2300 км² с населением 430 тыс. жителей и не мог остаться без особого внимания европейских политиков. К 1924 г. большая часть Тешина была признана за Чехословакией, территориальный спор переместился чуть дальше к востоку от польско-чехословацкой границы, где поляки после потери Тешина надеялись получить пограничный участок в Карпатском регионе, район Яворины, который был признан за чехословаками, но оставался предметом спора для небольших коммун (450 жителей), расположенных на северном склоне Высоких Татр, чью территорию Польша требовала передать ей по экономическим причинам. Со стороны Чехословакии преобладал аргумент, что она не имеет никаких оснований отдавать Польше то, что было ей передано на конференции послан Антанты, а также военно-стратегическими соображениями — стремлением сохранить самую высокую вершину в регионе [5].

Между Польшей и Чехословакией, обеими опорами союзнической системы, имели место расхождения и относительно европейских процессов, как и собственно международной системы европейской коллективной безопасности. Ее принципы и основы предполагали взаимопонимание с возможными противниками, способность к диалогу в системе международных обязательств для предотвращения возможных угроз миру. Для новых государств, образованных на обломках многонациональных империй и признанных на основании решений Версальской конференции, возникла новая уникальная система взаимоотношений, гораздо менее стабильная, чем традиционная дипломатия, которая подразумевала защиту от потенциальных противников на основе двусторонних союзов. Таким образом, эти две страны оказались бенефициарами системы коллективной безопасности, так как именно эта новая система позволила гарантировать их (воз)рождение, основанное на принципе права на самоопределение, заявленных В. Вильсоном в «Четырнадцать пунктов». Но две страны боялись стать жертвами правил, установленных новым европейским порядком, особенно в аспекте обязательства соблюдения прав национальных меньшинств, которое они взяли на себя, подписывая «Малый версальский договор» от 28 июня 1919 г., текст которого гарантировал равные гражданские и политические права всем жителям государств-преемников для предотвращения дискриминации меньшинств, соблюдение которого должно было контролироваться Лигой Наций. Этот договор должен был распространяться и на другие новые страны, в том числе Румынию, и сам по себе создавал спорное впечатление о том, что воссоздание центральноевропейских государств ограничено какими-либо условиями.

Каждый новый виток развития системы коллективной безопасности воспринимался Варшавой и Прагой с осторожностью. Так было в 1926 г. с вступлением Германии в Лигу Наций, что сразу же привело к актуализации вопроса о немецких меньшинствах в Центральной и Восточной Европе. Аналогично было воспринято и дипломатическое поведение Франции, заложившее фундамент новых конструктов европейской безопасности в межвоенный период.

Установление официальных отношений между Францией и СССР спровоцировало разные реакции Праги и Варшавы. В 1924 г. Чехословакия и Польша определенно находились в фазе

сближения. Так, две страны сотрудничали по второму «Женевскому протоколу о мирном разрешении международных споров», где глава чехословацкого МИД Э. Бенеш выступал в качестве одного из докладчиков. В этом проекте, называемом также «протоколом Эррио», важным новшеством стало появление во взаимных обязательствах принципа арбитража, отказ от которого Совет Лиги мог рассматривать как акт агрессии и основание для введения военных санкций, решение о чем должно было быть принято голосованием с большинством в две трети голосов, а не единогласным, как раньше. Все споры должны были рассматриваться в Постоянной палате Международного суда или в арбитражном суде. Для страны, отказавшейся предстать перед ним или выполнять его решение, применялась бы презумпция агрессии в случае войны [6, р. 318–346]. Это единство должно было быть дополнено обязательством всех подписавших протокол участвовать в большой конференции по разоружению в Женеве под лозунгом «Арбитраж, безопасность, разоружение». Текст обсуждался на пленарном заседании Ассамблеи Лиги Наций 1 октября 1924 и был ратифицирован на следующий день десятком стран, в том числе Францией, Польшей и Чехословакией, с оговоркой «обязательство помощи ограничено теми принципами, которые государство считает справедливыми и возможными в момент агрессии» [7, р. 75]. Однако приход консерваторов к власти в Британии похоронит идею протокола, новый премьер-министр Остин Чемберлен при содействии Италии не позволит воплотить французский проект [8, р. 9–24].

Ослабление напряженности в Европе сопровождалось и французской инициативой по отношению к Москве. Перед официальным признанием текст французской ноты циркулировал среди дипломатов. Подчеркивалось, что акция не нанесет ущерба договорам, заключенным Францией с ее союзниками. В то время как 28 октября 1924 г. Париж де-юре признал советское правительство, французская телеграмма главе НКВД Г. В. Чичерину и председателю СНК СССР А. И. Рыкову уточняла: «Уведомляя вас об этом признании, которое никак не изменит какие-либо обязательства и договоры, подписанные Францией, республиканское правительство хочет верить в возможность согласия между нашими двумя странами, первым шагом к которому станет возобновление дипломатических отношений» [2, р. 196].

Несмотря на дипломатическую предосторожность французов, польская общественность показала большое беспокойство в связи с восстановлением отношений между Францией и СССР [9; 10]. И в других местах французским дипломатам пришлось столкнуться с «паникой», которую продемонстрировала Варшава [11, р. 264]. Оказалось, что Париж пренебрег возможностью предугадать влияние этого акта на свою внешнюю политику, особенно в отношении Польши и Румынии, и с этой точки зрения дипломатическое признание СССР можно расценить как «небрежное» [12, р. 67–90]. Однако скоро вектор французской дипломатии снова сменился: после первых неуклюжих шагов осени 1924 г. традиционная политика Франции на востоке стала восстанавливаться после возвращения А. Бриана и А. Бертелло в Кэ д'Орсэ в апреле 1925 г., которые стали больше заботиться о том, чтобы консультировать поляков на каждом этапе диалога с СССР.

Со своей стороны Э. Бенеш выразил только удовлетворение по отношению к французской инициативе, заявляющей, что мир в Европе невозможен без диалога с СССР. Он отметил, что только оппозиция католической и национал-демократической партий помешала Праге также признать советское правительство [13, р. 318]. Сравнивая отношение Варшавы и Праги, видим два разных подхода: выраженное беспокойство с одной стороны и понимание — с другой. Бенеш заявил, что не имеет возражений касательно формулировок, использованных в ноте французского правительства. Его же польский коллега А. Скрзински указал, что французская декларация стала для него «громом среди ясного неба» и что он опасается, чтобы она не имела негативных последствий для восточных границ Польши [14; 15].

Можно было остерегаться в первое время, что процесс признания, начатый Францией, ослабит еще очень хрупкое примирение и запустит дипломатический кризис между двумя

французскими союзами, кризис, где каждый будет играть характерную роль: беспокойная и бескомпромиссная Польша, затаившаяся Чехословакия. В действительности, как мы уже увидели, Прага не принимает французскую инициативу в штыки, но ищет в этом собственную выгоду, выдвигая свои условия.

Подводя итог «Пяти годам внешней политики», в выступлении перед парламентариями 6 февраля 1924 г. Бенеш говорил о готовности достичь согласия с Польшей. Обращаясь к Политической конвенции ноября 1921 г., он отмечал: «Ее содержание известно, и она является руководством к применению во всех наших политических делах, будучи уже примененной в других случаях, а именно в сюжете признания мирных договоров и контроля за их добросовестным исполнением, принципах нейтралитета в случае возможного конфликта с третьей силой, арбитражных обязательствах перед Лигой Наций в случае конфликта». Этот пусть и не ратифицированный документ он считал шагом к сотрудничеству с Польшей в рамках Малой Антанты. Новым в этом выступлении было желание согласовать действия с Польшей перед реинтеграцией Советской России на международной арене: «Ситуация предполагает, что перед нашими союзами возникнут трудности, если Россия будет более активно вмешиваться в европейскую политику, и это станет общей проблемой» — такая оценка интерпретирует признание Францией советской власти катализатором событий [16, p. 21].

Таким образом, на первых порах вместо ослабления процесса примирения признание 1924 г. его, напротив, ускорило. Жесткость польской позиции по отношению к СССР улучшала ее отношения с ЧСР. Пост чехословацкого посла, свободный долгие месяцы, в сентябре занял Роберт Фледер, переговоры возобновились в сентябре 1924 г. в Женеве. В районе Яворина польская и чехословацкая делегации в ходе работы делимитационной комиссии создали «зону туризма» в Карпатах, где граждане двух стран могли свободно передвигаться [17]. А поскольку отношения Варшавы с Парижем теперь подверглись испытанию на фоне постоянной напряженности в советско-польских отношениях, то, словно эффект маятника, последовало улучшение отношений Варшавы с Прагой. Таким образом, вероятность признания СССР Парижем весной 1924 г. способствовала чехословацко-польскому примирению, что соответствовало французской парадигме поступательного укрепления и развития инициированной Францией сети союзов. Сближение Варшавы и Праги совпало с движением «Картеля левых», как способа поддержания мира в Европе и мире в целом. Для двух центральноевропейских стран идея коллективной безопасности могла развиваться в реальный союз, способный реинтегрировать Советскую Россию в европейскую политику, если даже не выработать совместной стратегии перед лицом тех угроз, которые им могла нести эта реинтеграция. И откладывать обращение к этому вопросу, по словам Бенеша, уже не представлялось возможным.

Осенняя сессия 1924 г. Лиги Наций отмечена активным сотрудничеством Франции, Чехословакии и Польши в подготовке Женевского протокола [18]. Этому сопутствовал прямой диалог дипломатов, и Бенеш и Скрзинский были согласны начать политические и экономические переговоры. Для этого два министра выбирают стратегию постепенных взаимных шагов, как мы уже отмечали выше: от наименее сложных вопросов постепенно переходя к более проблемным (таким как раздел расходов на проведение плебисцита в спорном Тешине), «второстепенные причины» враждебности будут становиться все более редкими [19]. Затем наступила очередь торговых переговоров, главным в которых был вопрос о транзите военных материалов. Чтобы скорее договориться, два министра решили заключить соглашение отдельно от политических переговоров, главным вопросом которых стал бы вопрос о национальных меньшинствах: польское общественное мнение требовало подтвердить особые права польской католической церкви в чехословацком Тешине [20]. С этого момента «ведущиеся с осторожностью» переговоры, как писал посол Франции в Чехословакии Жозеф Куже, «едва ли должны спровоцировать, по крайней мере в Чехословакии, серьезную

оппозицию в среде наиболее лояльных в польском вопросе политических кругов», намекая на национал-демократическую партию К. Крамаржа, занимавшую самую радикальную антипольскую позицию в вопросе Яворины [21]. Согласно устной договоренности Бенеша и Скрзинского программа первого раунда переговоров гибко включала в себя ратификацию сразу 18 конвенций (о санитарном контроле, юридической помощи и т. д.), уже подготовленных и заключенных с 1919 г., когда Прага и Варшава начали обмен дипломатическими представителями [22]. Наконец, надежды Кэ д'Орсэ подпитывались замечаниями польских дипломатов. Так, посол Польши в Бухаресте Йозеф Вьеловойский в ноябре 1924 г. сообщает французскому поверенному в делах принципы «договоренности о наблюдении за Германией, разделяемые Францией, Чехословакией и Польшей» [23].

Вызванные французским признанием СССР трансформации отношений между Прагой и Варшавой были восприняты в Париже как доказательство примирения и союзничества. Именно движение к франко-немецкому примирению, состоявшемуся годом позже в Локарно, стало следствием перегруппировки приоритетов Кэ д'Орсэ, добившегося умиротворения на восточноевропейском фланге своей дипломатии. Однако последствия советского признания мы можем рассмотреть в два этапа и в полной мере лишь через призму событий уже 1930-х гг.

Вероятно, это примирение 1924 г., последовавшее после акта признания СССР, как и мягкая позиция Праги, имели двоякие последствия уже в 1930-е гг. Во время переговоров в 1934 г. о заключении франко-советского и советско-чехословацкого союзов, после краха идеи восточного Локарно, Польша представляла Чехословакию вектором советского влияния в Центральной и Восточной Европе, связав это с событиями 1924 г. Спустя десятилетие Франция снова будет исповедовать принцип, что «судьба мира находится в руках Москвы» и чтобы консолидировать Центральную и Восточную Европу и обеспечить безопасность Франции, нужно полностью реинтегрировать СССР в европейские дела: это естественное следствие решений французского политического руководства в 1924 г. [24, р. 116]. Но эти новые демарши вызывают смятение среди французских союзников на Востоке Европы, и особенно усиливают нелояльность Польши [25].

Со своей стороны Бенеш, готовя членство Чехословакии в франко-советском союзе, не придает веса предупреждению главы советского НКВД М. М. Литвинова о том, что он намеренно сохраняет полную свободу переговоров с Польшей, в том числе и для возобновления проекта договора о дружбе [26]. Мы можем заметить, как две страны повторяют те же роли, которые были у них в 1924 г.: осторожность Польши и попытка Чехословакии заполучить как можно большие гарантии и авансы. Но с той поры изменения в международной системе и перипетии франко-советских отношений, приведшие к официальному визиту министра иностранных дел Франции П. Лавала в Москву весной 1935 г., не остались бесследными для общественных мнений Польши и Чехословакии, которые подогревались острой полемикой прессы двух стран. Дискуссии были настолько остры, что Бенеш выразил беспокойство: если Германия нападет на Чехословакию, воспользуется ли случаем Польша, чтобы в свою очередь атаковать Чехословакию? [27]

С самого начала текст договора, подписанный 16 мая 1935 г. Прагой, был напрямую связан с действующим франко-чехословацким договором 1924 г. (советско-чехословацкий договор вступил в силу 8 июня 1935 г. и также содержал отсылку к Локарнским договоренностям, на чем настояла Великобритания [28, р. 184; 29].) СССР и Чехословакия могли реализовать программу взаимопомощи только в случае, если Франция встанет на сторону страны-агрессора. Параллельно Париж проводит дипломатический обмен с СССР военными атташе, Прага же довольствуется обменом военными миссиями и заключением соглашения о возможной помощи со стороны советской авиации. (Но настоящие дипломатические баталии о совместной обороне Западной и Восточной Европы против Германии начнутся лишь к сен-

тября 1938 г.) После сложных переговоров Бенеш наводит советских дипломатов на то, чтобы ввести в пакт о взаимопомощи оговорку, которая отменяет договор в случае конфликта с Польшей [30]. Польская дипломатия пытается подтолкнуть Прагу к сотрудничеству, предлагая провести встречи военных уполномоченных, что Бенеш называет неподходящим в условиях, когда имеет место проблемная ситуация с вопросом о национальных меньшинствах в двусторонних отношениях [31, р. 400]. Официальная польская пресса иронизирует над советско-чехословацким сближением, расценивая его как «искусственное» [32]. Французская дипломатия пытается убедить поляков, что только от них зависит, останется ли флирт с Москвой в пределах разумного, и что чехословацкое русофильство все равно остается «сильно уравновешенным антибольшевизмом» [33]. Глава польской дипломатии полковник Ю. Бек, который прибыл в Берлин в июле 1935 г., наоборот, вторит в обвинительной риторике Гитлеру, утверждая, что огненные Москва будет диктовать свои указания Праге: «Бенеш всегда боролся с Польшей <...> чешские власти продолжают поддерживать украинских террористов <...> Чехословакия заключила с Советским Союзом секретные соглашения, которые делают ее форпостом Красной армии» [34; 35, р. 203]. В воспоминаниях посла Франции в Варшаве Жюль Лароша резюмируется: «...эта навязчивая идея о русской угрозе, которую Бек, несомненно, чувствовал и как и большинство его соотечественников, и как сам Пилсудский, содействовала возбуждению недоверия против чехословаков» [36, р. 195].

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что признание Францией СССР в 1924 г. способствовало созданию системы французских союзов в Центральной Европе, поскольку после первой тревожной реакции Польши и Чехословакии возобновилась тенденция к двустороннему сотрудничеству этих стран. Нормализация отношений в 1924 г. происходила благодаря стабилизации самой международной системы, во что искренне верили многие участники тех событий. Десятью годами позже те же общие проблемы, поднятые в расшатывающейся Версальской системе, привели к непримиримым противоречиям между «союзниками» Франции, чем не замедлила воспользоваться гитлеровская Германия.

Перевод с французского языка доцента кафедры истории южных и западных славян БГУ В. В. Репина, студентки кафедры А. Евмененко

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Archives du Ministère français des Affaires étrangères (AMAE). Série : Europe 1918—1940, sous-série : Pologne. Vol. 134. F. 163. note du 18 juin 1924.
2. *Herriot Édouard*. Jadis, 1—2 vol. 1948—1952. Paris : Flammarion, 1952. Vol. 2 : D'une guerre à l'autre (1914—1936). 639 p.
3. *Potemkine Vladimir*. Histoire de la diplomatie. Paris : Editions politiques, économiques et sociales, 1946. T. III : 1919—1939. 676 p.
4. *Davion Isabelle*. Mon voisin, cet ennemi. La politique de sécurité française face aux relations polono-tchécoslovaques entre 1919 et 1939. Bruxelles : Peter Lang, 2009. 472 p.
5. Service Historique français de la Défense (SHD), Château de Vincennes, Armée de Terre, 7N3105, rapport № 1372 du général Niessel le 25 juin 1921.
6. *Soutou Georges-Henri*. Histoire de la diplomatie française. Paris : Tempus, 2007. Vol. II : «De 1815 à nos jours». 636 p.
7. *Jordache Nicolae*. La Petite Entente et l'Europe // Publication de l'institut Universitaire des Hautes études internationales № 52. Genève, 1977. 397 p.
8. *Fleury Antoine*. Coudenhove-Kalergi, la Société des Nations et l'URSS // L'URSS et l'Europe dans les années vingt / dir. M. Narinski, E. du Réau, G.H. Soutou. Paris, 2000. 184 p.
9. SHD, 7N2993, compte-rendu de la mission militaire française de Varsovie pour la période du 1er au 31 juillet 1924.

10. *Дессберг Фредерик*. Польша перед лицом признания СССР Францией: вопросы безопасности поиска компенсации (См. в этом выпуске с. 158—164).
11. *Hogenhuis-Seliverstoff Anne*. Les relations franco-soviétiques 1917—1924. Paris, 1981. 316 p.
12. *Soutou Georges-Henri*. La France, l'URSS et l'ère de Locarno // L'URSS et l'Europe dans les années vingt. Paris : Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2000. 184 p.
13. *Wandycz Piotr S.* France and Her Eastern Allies 1919—1925, French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1962. 454 p.
14. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : URSS. Vol. 300. F. 200 : télégramme n°232 du 28 octobre 1924 de Herriot à H. de Panafieu.
15. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : URSS. Vol. 300. F. 194 : télégramme № 71 de H. de Panafieu le 25 octobre 1924.
16. *Beneš Edvard*. Cinq années de politique extérieure. Prague : Orbis, 1924. 43 p.
17. SHD, 7N2993 : compte-rendu de la mission militaire française de Varsovie pour la période du 1er au 30 septembre 1924.
18. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : Tchécoslovaquie. Vol. 61. F. 200 : lettre № 228 de Joseph Couget le 16 octobre 1924.
19. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : Tchécoslovaquie. Vol. 61. F. 155 : lettre № 11 de Joseph Couget le 9 avril 1924.
20. SHD, 7N3028 : bulletin de la presse polonaise de décembre 1924.
21. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : Tchécoslovaquie. Vol. 61. F. 213 : lettre № 252 de Joseph Couget le 20 novembre 1924.
22. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : Tchécoslovaquie. Vol. 61. F. 200 : télégramme № 228 de Joseph Couget le 16 octobre 1924.
23. AMAE. Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : Tchécoslovaquie. Vol. 69. F. 62 : rapport de Lacroix sur la visite de M. Wielowieyski le 4 novembre 1924.
24. *Flandin Pierre-Étienne*. Politique française 1919—1940. Paris : Les Éditions Nouvelles, 1947. 466 p.
25. Ministère des Affaires étrangères, Commission de publication des documents diplomatiques français, Documents diplomatiques français, 1932—1939 : Première série/1932—1935. T. I—XIII. Imprimerie Nationale, 1964—1984. Doc. 178 : télégramme № 373 de Laroche, le 12 avril 1935.
26. AMAE, Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : Tchécoslovaquie. Vol. 112. F. 130 : compte-rendu du Département politique, le 16 octobre 1934.
27. AMAE, Série : Z-Europe 1918—1940. Sous-série : URSS. Vol. 982. F. 94 : minute du 7 mai 1935 sur les relations polono-tchécoslovaques pour le voyage de Laval à Varsovie.
28. *Duroselle Jean-Baptiste*. Histoire Diplomatique de 1919 à nos jours. Paris : Dalloz, 1990. 1038 p.
29. Le texte définitif est dans Documents diplomatiques français, 1932—1935. T. X. Doc. 362 : télégramme № 286 de Louis de Monicault, le 13 mai 1935.
30. SHD, 7N3024 : note du service des Renseignements du 20 mai 1935.
31. *Wandycz Piotr S.* The Twilight of French Eastern Alliances 1926—1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton University Press, 1988. 537 p.
32. AMAE, Série : Papiers d'Agents, sous-série : Léon Noël. Vol. 2 : dépêche № 481 de Léon Noël, le 15 juin 1935.
33. AMAE, Série : Papiers d'Agents, sous-série : Léon Noël. Vol. 2 : dépêche № 512 de Léon Noël, le 21 juin 1935.
34. Documents diplomatiques français, 1932—1935. T. XI. Doc. 257 : télégramme № 577 de Léon Noël, le 11 juillet 1935.
35. *Noël Léon*. Polonia restituta. La Pologne entre deux mondes. Paris, 1984. 288 p.
36. *Laroche Jules*. La Pologne de Pilsudski : souvenirs d'une ambassade, 1926—1935. Paris : Flammarion, 1953. 233 p.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2014 г.